

1974

Бернстол 10. к.

S L A V I A

ROČNÍK XLII (1974)

ČÍSLO 1

Русское Слово о чуде Климента Римского и кирилломефодиевская традиция

Юрий Константинович Бегунов

Имя Климента Римского было всегда окружено множеством легенд, сложившихся и распространившихся в Средневековье на огромной территории от Галлии до Тавриды и от Руси до Сирии и Палестины. Это имя оказалось связанным и с именами славянских первоучителей Кирилла и Мефодия и с началом письменности у славянских народов. Исторически достоверные известия о нем весьма скудны: римлянин родом, Климент считался учеником апостола Петра и четвертым (за Лином и Анеклетом) епископом веллетрийским (92—94 гг.)¹⁾ Клименту принадлежат два Послания к коринфянам, а приписываются ему Послания к Иакову, епископу иерусалимскому, 20 «Бесед», 10 книг «Встреч» и «Сокращение деяний апостола Петра». По преданию, за проповедь христианства он был сослан римскими властями.

Согласно одной легенде, Климент попал на тяжелые работы в мраморные каменоломни близ Херсонеса Таврического. Там он прославился проповедью христианства среди язычников, и принял около 101—103 гг. мученическую кончину: с якорем на шее был сброшен со скалы (или с лодки) в море. Волны прибили тело к берегу, и верные христиане погребли его в гробнице из белого мрамора на одном из маленьких затопляемом морем островов. Согласно преданию, молением учеников папы-мученика Корнелиуса и Фива море однажды расступилось и открыло путь к мраморной гробнице с аркасолием, в которой лежали мощи Климента. С того времени, гласит легенда, каждый год в день памяти святого 25 ноября море расступалось на 20 стадий (3¾ км) для того, чтобы херсонесцы могли прийти поклониться ему.²⁾ В другой легенде рассказывается о том, что однажды родители забыли своего ребенка возле гробницы и море после прилива поглотило его. Велико же было удивление всех, когда ровно через год во время отлива мальчик был найден целым и невредимым

¹⁾ О св. Клименте см. напр.: А. Приселков, *Климент Римский и его послания*, СПб. 1887; — *Православная богословская энциклопедия*, т. XI, под ред. Н. Н. Глубоковского, СПб. 1910, стлб. 64—103; — Pio Franchi de Cavalieri, *Note agiografiche*, fasc. 5, Roma 1915, 3—40; — H. Delehaye, *Étude sur le légendier romain. Les saints de novembre et de décembre*, Bruxelles 1936, 96—116; — И. Цоневски, *Св. Климент Римски и посланието му до коринтяните*, ГСУ, Богословски факултет, т. XXIV, София 1947, 1—43; — J. Quasten, *Patrology, vol. 1: The beginnings of patristic literature*, Utrecht—Antwerpen 1966, 42—63.

²⁾ Μαρτύριον τοῦ ἁγίου Κλήμεντος. — In: J.-P. Migne, *PGC, ser. gr.*, t. II, Paris 1857, col. 617—632; — *Херсонский святитель. Мучение св. Климента, греческий текст с русским переводом и вариантами*, Записки Одесского общества истории и древностей, т. IX, Одесса 1875, 139—169; — А. И. Соболевский, *Житие святых по древнерусским спискам, Мучение св. Климента Римского*, ПДП и И, т. СXLIX, СПб. 1903, 1—16; — И. Снегаров, *Неиздадени старобългарски жития, I: Проложно житие на Климент Римски*, ГДА «Климент Охридски», т. III (XXIX), София 1953—1954, 151—159. — Ср.: С. Шестаков, *К истории текстов жития св. Климента, папы*, 151—159. — Ср.: С. Шестаков, *Житие св. Климента Римского*, 14 (СПб. 1909) 215—226.

на том же самом месте. Чудесное спасение отрока приписали заступничеству святого.³⁾

С течением времени, однако, паломничества к гробнице становились все реже и реже, отливы и приливы прекратились, а островок стал постепенно опускаться в море.

В 860 г. в Херсонес с церковно-политической миссией прибыл проповедник Константин вместе с братом Мефодием и клиром Константинопольской Софии. Солунский ученый решил во чтобы ни стало разыскать останки легендарного Климента. Время от времени возвращаясь в город из миссионерских поездок по Крыму, Причерноморью и Хазарии, он расспрашивал местных жителей о римском мученике. Так как эти расспросы не приводили к успеху, он сам рассказывал о жизни и деяниях Климента, побуждая самих граждан к поискам. Наконец, удалось установить, что останки Климента находятся в 45 стадиях от города, на одном из полузатопленных островков одного из заливов (ныне Казачья бухта).⁴⁾ К этому месту согласился провести Константин херсонесец Дигиц. 30 января 861 г. отправилась на корабле большая экспедиция во главе с Константином и епископом херсонесским Георгием. Участникам экспедиции посчастливилось найти полуразвалившуюся и полузасыпанную песком гробницу, покрытую сводом. Начали копать, распевая священные гимны, а с наступлением темноты зажгли свечи и продолжали работу. Наконец, выкопали останки человека и заржавленный якорь возле него. На обратном пути в 10 стадиях от островка на берегу увидели огни: то стратег Никифор, владетель Херсонеса, вышел навстречу со своей свитой. Лишь около 10 вечера достигли города. Новонайденную святыню первоначально положили в предместной церкви св. Созонта, а затем перенесли в город, в церковь св. Леонтия, где всю ночь служили молебны; на следующий день утром горожане обошли с останками Климента вокруг городской стены и сложили их в соборной церкви апостолов Петра и Павла. Верятно, здесь Константин Философ при большом стечении народа и произнес свое *Sermo declamatorius*, а клирошане Константинопольской Софии и херсонесских храмов исполнили написанный Кириллом чудесный *Hymnus* в честь новоявленного святого.

Все это стало известно благодаря трем источникам: славянскому *Слову на пренесеніи мощемъ преславнаго Климента, историческою имощице вестуду* (*Херсонесская легенда*),⁵⁾ латинскому письму Анастасия Библио-

³⁾ Περί τοῦ θαύματος τοῦ εἰς τὸν παῖδα γενομένου παρὰ τοῦ ἱεροναύτου καὶ ἀποστόλου Κλήμεντος, J.-P. Migne, PCC, ser. gr., t. II, Paris 1857, col. 633—646; — ср.: Ф. А. Терновский, *Слово о чуде со отрочатом священномученика Климента, папы Римского*, Записки Одесского общества истории и древностей, т. X, Одесса 1876, 169—174; — П. А. Лавров, *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, Памятники христианского Херсонеса, вып. II, М. 1911, 25—35.

⁴⁾ А. Л. Бертъе-Делагард, *Древности южной России. Раскопки Херсонеса*, Материалы по археологии России, изд. имп. Археологической комиссии, № 12, СПб. 1893, 58—63; — А. Esser, *Wo fand der hl. Konstantin-Kyrill die Gebeine des hl. Clements von Rom?* Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863—1963, hrsg. von M. Hellmann, R. Olesch, B. Stasiewski, F. Zügiba, Köln—Graz 1964, 126—147.

⁵⁾ Изд. текста см.: А. В. Горский, *Слово о перенесении мощей св. Климента Римского (из Макарьевских Четьих-Миней)*, Кирилло-Мефодиевский сборник, изд. М. П. Погодиным, М. 1865, 319—376; — I. Франко, *Святыи Клімент у Корсуні*, ЗНТШ, кн. 60, Львів 1904, 244—250; — П. А. Лавров, 1) *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности, о. с.*, 127—131; — 2) *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности*, Л. 1930, 148—153; — А. Теодорон-Балац, *Кирил и Методий*, т. II, София 1934, 123—131; — Ю. Трифонов, *Две съчинения на Константина Философа (св. Кирила) за мощите на св. Климента*

текаря к епископу веллетрийскому Гаудериху (875—876 гг.),⁶⁾ латинскому *Vita cum translatione s. Clementis* (Итальянская легенда) Льва Остийского (нач. XII в.).⁷⁾

В конце 867—начале 868 г. часть останков Климента была перенесена славянскими первоучителями из Херсонеса в Рим, в дар папе Адриану II, и торжественно положена в епископской церкви св. Климента в Веллетри. В этой же церкви был похоронен умерший 14 февраля 869 г. в Риме Константин-Кирилл Философ.

С конца 60-х гг. IX в. начинается бурный рост популярности культа папы-мученика как в Западной, так и в Восточной христианских церквях, нашедший свое выражение в строительстве храмов в честь Климента, в создании новых произведений литературы и искусства, в устройстве торжественных празднований, в распространении новых легенд, и т. п. *Легенда о папе-каторжнике*, принявшем мученический венец, стала в IX—X вв. символом единства Римской и Константинопольской церквей и знаменем миссионеров, проповедовавших христианство на окраинах так называемого греко-римского мира. И Моравия, и Паннония, и Болгария не остались в стороне. Повсюду, где побывали первоучители славян и их ученики, они проповедывали христианство

Римски, Списание на Българската академия на науките, кн. 48, Клон историко-филологичен и философско-обществен 23, София 1934, 192—206; А.-Р. Pèchaure, *Les écrits de Constantin le Philosophe (S. Cyrille) sur les reliques de St. Clément de Rome*, Echos d'Orient, 35 (Paris 1936) 465—472; — J. Vašica, 1) *Slovo na prenesenie moštem preslavnago Klimenta neboli Legenda Chersonská*, AAV 19 (1948) 38—80; — 2) *Die Korsuner Legende von der Überführung der Reliquien des heiligen Clemens*, reed., München 1965, 73—80 (оба последних издания Вашицы — критические, с учетом известных списков).

⁶⁾ Изд. текста см.: J. Friedrich, *Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri über die Abfassung der Vita cum translatione s. Clementis Papae. Eine neue Quelle zur Kyrillus- und Methodius-Frage*, Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe der K. B. A. der Wissenschaften zu München (1892), München 1893, 393—442; — И. В. Ягич, *Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла*, СОРЯС имп. АН, т. IV, СПб. 1893, № 3, 1—44; — Л.-К. Goetz, *Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius*, Gotha 1897, 243—246; — F. Pastrnek, *Dějiny slovanských apoštolů sv. Cyrilla a Methoda*, Praha 1902, 246—249; — П. А. Лавров, 1) *Жития херсонских святых...*, 140—142; — 2) *Материалы...*, 140—142; — *Monumenta Germaniae historica. Epistolae*, t. VII, pars prior, Berolini 1912, 435—438; — А. Теодоров-Балан, о. с., II, 244—247; — F. Grivec, F. Tomšić: *Constantinus et Methodius Thessalonicensis. Fontes*, Zagreb 1960, 64—66 [серия: Radovi Staroslovenskog instituta, knj. 4]; — *Извори за българската история*. — *Fontes historiae bulgaricae*, t. VII: *Латински извори за българската история*, т. II, ред. И. Дуйчев, М. Войнов, С. Лишев, Б. Примов, С. 1960, 203—207; — А. Милев, *Жития на св. Климент Охридски*, София 1961, 154—158; — *Magnaе Moraviae fontes historici*, t. III: *Diplomata, epistolae, textus historici varii*, Curaverunt D. Bartoňková, L. Havlík, I. Hrbek, J. Ludvíkovský, R. Večerka, Brno 1969, 176—181.

⁷⁾ Изд. текста см.: *Acta sanctorum, Martii II*, Antverpiae 1668, 19—21; — Кирилло-Медфодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изд. М. П. Погодиным, М. 1865, 327—342; — *Bibliotheca Casinensis*, t. IV, Monti Cassini 1880, 267—272; — П. Лавровский, *Итальянская легенда*, ЖМНП, ч. ССXLVI, СПб. (1886) июль, 30—38; — Goetz, *Geschichte der Slavenapostel...*, 247—254; — Лавров, *Жития херсонских святых...*, 142—147; — P. Meuyaert, P. Devos: *Trois énigmes cyrillo-méthodiennes de la « Légende Italique » résolues grâce à un document inédit*, Analecta Bollandiana, t. 73, Bruxelles 1955, 455—461; — Grivec, Tomšić: *Constantinus et Methodius Thessalonicensis*, 59—64. — Обзор всех трех источников в связи с хазарской миссией Константина Философа см.: Т. Събева, *По някои въпроси на Хазарската миссия*, Константин-Кирилл Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнина от смъртта му София 1969, 106—110.

и знакомили новообращенные народы с культами христианских святых, и в том числе, особенно, с культом Климента. Не осталось в стороне и Русь: «равноапостольный» князь Владимир Святославич, взяв Херсонес в 989 г. ... поемъ царицю и Настаса, и попы Корсуньскыя съ мощами св. Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благо-словенъе свѣт.⁸⁾ Вблизи своего теремного двора, на месте по преданию орошенном кровью киевских первомучеников-варягов Феодора и Иоанна, князь Владимир основал летом 990 г. церковь по имя Богородицы. В 996 г. постройка храма завершилась и 12 мая 996 г. храм был в первый раз освящен киевским митрополитом Львом Греком. Тогда же Владимир положил в церкви св. Богородицы завещание, согласно которому церкви предоставлялась десятина от «именья и градов»: *вдѣвъ все, еже бѣ звала въ Корсунн*. С тех пор церковь стала называться Десятинной. Для служения в этом храме, ставшим кафедральным, Владимир пригласил духовенство из Херсонеса, а смотрение за десятиной поручил Анастасу Корсунянину. В особой раке в одном из приделов храма были положены привезенные из Херсонеса голова Климента Римского, а также и тело ученика его Фива.⁹⁾ Аутентичность этих мощей вызывает сильное сомнение.¹⁰⁾ Однако, если они были поддельные, тем рельефнее перед нами выступает церковно-политический замысел князя Владимира: любой ценой возвысить авторитет своей власти как во внутрополитическом, так и во внешнеполитическом плане. *Корсунская легенда* о крещении Владимира местными попами сыграла заметную роль в политической борьбе XI—XII вв., если судить по тексту *Повести временных лет*.¹¹⁾ Эта легенда, вероятно, введенная в летопись из причерноморского фольклора Никоном Печерским в 60-ые гг. XI в.,¹²⁾ была направлена против тех, кто преувеличивал роль Константинопольской церкви в крещении Руси. А одним из церковных приложений в *Корсунской легенде* была история перенесения мощей Климента Римского из Херсонеса в Киев, отразившаяся в русских источниках.

По мысли «равноапостольного» князя, перенесение и торжественное положение

⁸⁾ *Повесть временных лет*, ч. I: *Текст и перевод*, подг. текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л. 1950, 80. Это же известие читается в *Слове о том, како крестися Володимѣрь, возмѣ Корсунь*, которое Н. К. Никольский датирует серединой XI в. и считает его одним из источников *Начального свода*, см.: Н. К. Никольский, 1) *К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире*, ХЧ, т. CCCIV, СПб. 1902, № 7, 89—106; — 2) *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.)*, Корректурное издание, СПб. 1906, 36—40; — 3) *Материалы для истории древнерусской духовной письменности*, СОРЯС, т. LXXXII, № 4, СПб. 1907, 1—24. Это же известие повторено в памятнике конца XI в. *Памяти и похвале князю русскому Владимиру* (С. А. Бугославский, *К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру*, ИОРЯС, т. XXIX, Л. 1925, 151) и в житии Владимира (*Обычное житие св. Владимира*, ЧИОНЛ, Киев 1888, кн. 2, отд. 2, стр. 26).

⁹⁾ Из Ипатьевской летописи нам известно, что в 1147 г. эти так наз. «мощи» всё еще находились там: «головою св. Климента» собор епископов хиротонисал, «якоже ставятъ греци рукою святого Ивана», зарубегого игумена Клима в киевские митрополиты (ПСРЛ, т. II, СПб. 1908, стлб. 341). Упоминание о голове св. Климента встречается в отчете Ростангуса, путешествовавшего из Византии через Киев и Клуию в 1206 г. Позже 1206 г. мы не находим в источниках упоминаний о «мощах» Климента: может быть, они сгорели во время пожара 1240 г., вызванного монголо-татарским нашествием. (Ср.: М. А. Оболенский, *О двух древнейших святыхях Киева: мощах св. Климента и кресте великой княгини Ольги*, Киевлянин, М. 1850, кн. 3, 139—150).

¹⁰⁾ См. напр.: F. Dvornik, *Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*, Prague 1933, 196—197; — Ю. Трифонов, *Две счичения...*, 236. — Ср.: S. Sakač, *Martirio di San Clemente Papa presso Chersona*, Osservatore romano 100 (Roma 1960) № 275 [25. XI.], 5.

¹¹⁾ *Повесть временных лет*, ч. 1, 75—80; — *там же*, ч. 2, 88—90.

¹²⁾ См. комментарий Д. С. Лихачева: *там же*, ч. 2, 335—376.

этих мощей Климента должно было подчеркнуть и святость сего места и града, охраняемого молением ученика апостола Петра, и благочестие его устроителей. В 1015 г. некоторые даже называли эту церковь «храмом мученика во Христе и папы Климента», как об этом свидетельствует Титмар Мерзбургский.¹³⁾ Храм после вторичной перестройки¹⁴⁾ производил великолепное впечатление, длина его составляла 24 сажени, ширина — 16, своды и хоры поддерживались мраморными колоннами, пол был устлан красным шифером, мозаикой из разноцветных мраморов, яшм и стекол, стены были расписаны фресками;¹⁵⁾ сам князь Владимир украсил его иконами, книгами и сосудами церковными.¹⁶⁾

Согласно одной французской легенде, Ярослав Мудрый в 1048 г. с гордостью показывал голову Климента Римского и тело ученика его Фива, приехавшим свататься к его дочери Анне послан французского короля Генриха I и рассказывал историю их перенесения из Херсонеса в Киев.¹⁷⁾

Ежегодно, 30 января, в день обретения и принесения в Херсонес мощей св. Климента Кириллом Философом, Десятинный храм становился центром торжественного действия. Древнейшие киевские святцы, сохранившиеся в *Остромировом евангелии* 1056—1957 гг., сообщают только об одном дне празднования памяти Климента Римского — 30 января.¹⁸⁾ не упоминая вовсе о других датах, например, 25 ноября, дне мучений св. Климента, празднуемом Восточной церковью (в Западной церкви 24 ноября).

Вероятно, при Ярославе Мудром 30 января на празднике читалось единственное, существовавшее тогда для этого дня *Славо на пренесеніе мощей преславаго Климента Кирилла Философа*. Весьма вероятно, что на Руси на короткое время привилась кирилло-мефодиевская традиция празднования памяти херсонесского мученика.

Мы предполагаем, что принятие на Руси культа Климента Римского в конце X—середине XI в. связано с поисками правящими кругами государства и церкви покровителя-апостола Русской земли до упрочения на Руси культа апостола Андрея.

Апостол Андрей стал считаться патроном Руси довольно поздно: легенда о нем была усвоена семьей Владимира Мономаха в конце XI в. Если в редакции Нестора *Повести временных лет* говорилось, что на Руси не была во ни апостоли ходили, то Сильвестр в 1116 г. уже

¹³⁾ Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung, hrsg. von R. Holtzmann, Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum germanicarum, nova series, t. IX. Berlin 1935, 488, 489.

¹⁴⁾ В 1039 г. Десятинная церковь после крупной внутренней перестройки была освещена вторично митрополитом Феопемптом (см. *Повесть временных лет*, ч. 1, 103; ср.: М. К. Каргер, *Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города*, т. II: *Памятники киевского зодчества X—XIII вв.*, М.—Л. 1961, 11).

¹⁵⁾ Каргер, *Древний Киев*..., т. II, 9—59; ср. W. Molé, *Desjatinnaja cerkiew*, Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych, pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehr-Splawin-skiego, t. 1: A—L, cz. 2: C—E, Wrocław—Warszawa—Kraków 1962, 340.

¹⁶⁾ Обычное житие Владимира, ЧИОНЛ, Киев 1888, кн. 2, отд. 2, 27.

¹⁷⁾ См.: *Acta sanctorum, Martii II*, 45. Ср.: *Давно забытая древнейшая киевская святыня*, Киевская старина 3 (1884), кн. 2, 534—541; — I. Я. Франко, *Святий Климент у Корсуні. Причинки до історії староруської легенди*. XI: *Культ св. Климента в Моравії й на Русі*, ЗНТШ, т. 66, Львів 1905, 266—268.

¹⁸⁾ *Древние русские святцы при Остромировом евангелии*, ХЧ, СПб. 1852, кн. 1, 485—517.

вставил легенду об апостоле Андрее в текст официальной княжеской летописи.¹⁹⁾

«Був мабуть такий момент, — писал И. Я. Франко, — коли святий Климент готов був стати ся нашим національним съвятим, патроном Руської землі, популярним як пізнійше свв. Юрій або свв. Микола.»²⁰⁾

Нельзя не заметить известной аналогии действий князя Владимира и Константина Философа. Последний «открыл» культ Климента для христианского мира, так и Владимир «открыл» его для Руси. Первоучитель славян перенес часть мощей Климента из Херсонеса в Рим, так и Владимир перенес голову Климента из Херсонеса в Киев. Для поддержания культа Климента необходимо было создавать новые сочинения в его честь. К концу X в. на греческом языке уже существовали *Мучение св. Климента Римского* (конца IV—начала V в.), *Слово о чуде об отроке святого священномученика Климента*, приписываемое жившему в IV в. архиепископу Херсонесскому Ефрему, но написанное много позже,²¹⁾ *Житие*, синаксарные статьи, служба и каноны св. Клименту Римскому.²²⁾

В IX в. славянами было написано не менее 5 оригинальных сочинений о Клименту Римском.

Согласно Анастасию Библиотекарю, Константин Философ написал три сочинения: 1) *Brevis historia* или *Narratio historica*, т. е. рассказ о нахождении в 861 г. и перенесении мощей св. Климента, написанный первоначально на греческом языке и дошедший до нас на славянском языке; 2) *Sermo declamatorius*, т. е. торжественная речь, произнесенная Кириллом Философом на греческом языке в конце января—начале февраля 861 г. и не дошедшая до нас;²³⁾ 3) *Hymnus*, т. е. гимн или ака-

¹⁹⁾ Д. С. Лихачев, *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, М.—Л. 1947, 170, 177; — ср.: F. Dvorník, *The idea of apostolicity in Byzantium and the legend of the apostle Andrew*, Cambridge (Massachusetts) 1958; — M. Murjanoff, 1) *Andreas der Erstberühene im mittelalterlichen Europa*, *Sacris erudiri*, t. XVII, Steenbrugge 1966, Nr. 2, 411—427; — 2) *Андрей Первозванный в Палестине временных лет*, Палестинский сборник, вып. 19 (82), Л. 1969, 159—164.

²⁰⁾ Франко, *Святейший Климент у Корсуні*, ЗНТШ, т. 46, Львів 1902, 7.

²¹⁾ Это *Слово* было, по всей видимости, составлено во второй половине IX в., потому что, во-первых, оно отражает весьма развитый этап культа священномученика Климента в Херсонесе (после 861 г.), во-вторых, в нем прославляется «церковь твоего честного и славного праздника», где и собирався «на послушание предивных чудес его» большой «благий собор» верующих. Когда такая церковь могла возникнуть? Можно сказать определенно, что до 861 г. большой церкви св. Климента не существовало: с IV до середины IX в. на островке Казачьей бухты была лишь гробница с аркасолием, часто заливаемая морем. После 861 г. на нем построили маленькую церковь-часовню, которую видел с моря в 1253 г. В. де Рубрук. Эта часовня не могла вместить «множество верных». В главном храме Херсонеса или в построенной вскоре после 861 г. специальной церкви памяти св. Климента с 861 по 989 г. находилась голова Климента. Не исключено, что греческое *Слово о чуде* написано как раз в это время — время наивысшего расцвета культа Климента в Херсонесе.

²²⁾ Франко, *Святейший Климент у Корсуні*, т. 46, кн. 2, 1—44; — там же, т. 48, кн. 4, 45—144; т. 56, кн. 6, 145—180; т. 59, кн. 3, 181—208; т. 60, кн. 4, 209—256; т. 66, кн. 4, 257—281; т. 68, кн. 6, 281—310. Изд. текстов греческих и славянских: J.-P. Migne, PSS, ser. gr., t. II, Paris 1857, col. 617—646; — П. А. Лавров, *Житие херсонесских святых...*; — *Памятники христианского Херсонеса*, вып. II, 1911; — *Памятники славяно-русской письменности*, изд. Имп. Археографической комиссией И. Великие Миние Четьи. Ноябрь, вып. IX, ч. 2, тетр. 1. Дни 23—25, М. 1916 (издание не закончено).

фист на греческом языке в честь св. Климента, недошедший до нас.²⁴⁾ В конце IX в. ученик Мефодия Климент Охридский сочинил на древнеболгарском языке 4) *Похвалу святому Клименту, патриарху римъску*²⁵⁾ и, предположительно, 5) *Канон Клименту Римскому*.²⁶⁾

²³⁾ Некоторые исследователи полагают, что текст *Sermo declamatorius* восстанавливается из заключительной части *Legenda Chersonica*, содержащей витийственную похвалу святому от слов *Бидѣ чужь, ѡ братиѣ, нескюдное се богатство...* до слов... *пренешена мощиѣнъ святаго Климента сътворъ* (см. напр., Теодоров-Балан, *Кирил и Методи*, т. II, 128—129, 131; — Трифоноу, *Две съчинения...*, 219, 240; — Е. Георгиев, 1) *Две произведения на Константин-Кирил*, София, 1938; 2) *Die Italienische Legende. Verfasser, Entstehungszeit, Quellen, Bedeutung für die Kyrill- und Method-Frage, Entstehungszeit der Pannonischen Legende...*, Sofia 1939, 29—32; — 3) *Кирил и Методи — основоположници на славянските литератури*. София 1956, 76—87; 4) *Кирил и Методи — истината за създателите на българската и славянска писменост*. София 1969, 130—145; — I. Dujčev, 1) *Zur literarischen Tätigkeit Konstantinus des Philosophen*, *Byzantinische Zeitschrift* 44 (1951) 109—110; — 2) *Constantino Filosofo nella storia della letteratura bizantina*, *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*, Roma 1962, 216—219]. Однако, сохранившийся текст слишком краток для специального торжественного похвального «слова», которое произносилось Константином-Кириллом на греческом языке в 861 г. при большом стечении народа в соборном херсонесском храме апостолов Петра и Павла. Последний раздел «Слова на пренесение мощемъ» составляет органическое целое с остальными разделами этого памятника, являя собою как бы стихотворение в прозе к историческому повествованию о поисках, обретении и перенесении мощей Климента.

²⁴⁾ Некоторые исследователи думали, что текст *Hymnus'a* или его часть может быть восстановлен из заключительной части *Legenda Chersonica* от слов *О преславни преславне предъ всѣми...* и до слов *свѣтаго творцаа прсно чстное твое сватое шленеи мощенъ твоухъ, Христа истиннаго бога нашего и со шцемъ и со сватымъ духомъ нынѣ и в бесконечна вѣки вѣкомъ. Мини.* (см.: напр. Теодоров-Балан, *Кирил и Методи*, т. II, 131). Однако, как пишет Б. Ст. Ангелов, «Тази постановка обаче не е приемлива по две съображения: 1. Въпросният пасаж идва като естествено заключение, обобщение на казаното преди това; то е напълно в духа на похвалното слово като литературен жанр, както добре се вижда от много други подобни слова през средновековието; 2. Текстът на това заключение не е нито толкова голям, нито толкова поразличен стило-езиково от предишните части, за да бъде причина за смущението у Анастасий Библиотекар, в резултат на което той да се откаже от превода на химна», Ангелов, *За едно още неиздирено съчинение на Кирил Философ*, Археология, 11 (София 1969) кн. 2, стр. 7. В самом деле, этот текст слишком краток и прозаичен для гимна: он более походит на заключение похвального «слова», чем на гимнографической отрывок, с которым и составляет органическое целое. Е. Георгиев, И. Дуйчев, Б. Ст. Ангелов ищут следы этого гимна в староболгарской редакции канона Клименту Римскому (см.: I. Dujčev, *Die Hymne von Konstantin-Kyrill dem Philosophen zu Ehren des hl. Klemens*, *Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag am 4. Dezember 1967 hrsg. von P. Brang in Verbindung mit H. Bräuer u. H. Jablonowski*, Heidelberg 1967, 46—53; — Б. Ст. Ангелов, 1) *Из старата българска, руска и сръбска литература*, София 1958, 7—18; — 2) *Няколко наблюдения върху книжовното дело на Климент Охридски*, Климент Охридски, сборник от статии по случай 1050 години от смъртта му, София 1966, 81—90; — 3) *За едно още неиздирено съчинение на Кирил Философ*, Археология 11 (София 1969) кн. 2, 6—9; 4) *Кириловият химн в чест на Климент Римски*, *Константин-Кирил Философ*. Доклади от симпозиума..., София 1971, 255—269.

²⁵⁾ Изд. текста см.: А. Н. Попов, *Описание сборника № 20 Чудова манастиря*. Под наблюдением В. И. Щепкина. — ЧОИДР, М. 1889, кн. 3, стр. 71—79; *Памятники славяно-русской письменности*, издаваемые имп. Археологической комиссией. I. *Великие Минеи Четви*. Ноябрь... дни 23—25, стлб. гѣаз — гѣмг; Климент Охридски, *Събрани съчинения. Том първи*. Обработили Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов, София 1970, 287—305.

²⁶⁾ Изд. текста см.: В. И. Ягич, *Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг.* СПб. 1886, 453—456; П. А. Лавров, *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 177—180.

Древняя Русь также знала оригинальные произведения о Клименте. Остановимся на них подробнее. Так называемое *Слово на обновление Десятинной церкви* издал в 1850 г. князь М. А. Оболенский по рукописному сборнику в лист, XVI в., из библиотеки МГАМИД (л. 236 об.—250), в котором оно, по его словам, было присоединено к *Мучению св. Климента, патриарха Римского, четвертого вькша по апостолах Петрък* (Нач.: *Четвертый Римский церкви приставникъ*...). Издатель, к сожалению, не привел последних слов «Мучения» и оставил невыясненным вопрос, издает ли он всё произведение целиком или только часть его; оно открывалось фразой *Тако и сега церковнаго солнца*..., явно составляющей продолжение сравнения святого с солнцем, которое начиналось в предыдущей фразе.²⁷⁾

Ввиду отсутствия рукописи, в настоящее время невозможно проверить, входило ли в состав *Мучения* еще и *Чудо о отрочати*, окончанием которого и могло быть так называемое *Слово на обновление Десятинной церкви* (это заглавие дано произведению его первоиздателем М. А. Оболенским). — В 1901 г. А. И. Соболевский опубликовал другое сочинение, озаглавленное в рукописи *Чудо св. Климента, папы Римского, о отрочати*, по списку ГПБ, Q 999, второй половины XV в.,²⁸⁾ а П. А. Лавров в 1911 г. вторично опубликовал его по списку ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 39, XIV в., лл. 93—100 об.²⁹⁾ В 1905 г. оба памятника под названиями *Текст Оболенского* и *Текст Соболевского* напечатал в параллельных колонках И. Я. Франко.³⁰⁾ В 1911 г. это же *Слово* с издания Оболенского перепечатал Лавров.³¹⁾ Большинство исследователей соглашалось с тем, что перед нами два русских домонгольских ораторских памятника, которые, вероятно, были произнесены над мощами Климента Римского.³²⁾ — В датировке наблюдались расхождения: Оболенский признавал *Слово* памятником XII в., Макарий — XII—XIII в., Грушевский, Франко — второй половины XII в., и даже около 1200 г., Никольский — XI в. *Чудо* датировали третьей четвертью XI в. (Грушевский, Франко, Никольский) или XII в. (Соболевский). Особняком стоит

²⁷⁾ См.: М. А. Оболенский, *О двух древнейших святынях Киева: мощах св. Климента и кресте великой княгини Ольги* — *Киевлянин*, кн. 3. М. 1850, 144—147. В настоящее время эта рукопись не находится ни в библиотеке МГАМИД (шше в ЦГАДА), ни в собрании рукописей М. А. Оболенского (также в ЦГАДА). Современное местонахождение её остается неустановленным.

²⁸⁾ А. И. Соболевский, *Чудо св. Климента, папы Римского. Древне-русское «слово» домонгольского периода*. — ИОРЯС, т. VI, СПб. 1901, кн. 1, 1—8.

²⁹⁾ П. А. Лавров, *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 36—46.

³⁰⁾ И. Я. Франко, *Святыи Климент у Корсунї*..., 271—274.

³¹⁾ П. А. Лавров, *Жития херсонских святых в греко-славянской письменности*, 174—176.

³²⁾ Макарий, *История русской церкви*, т. III, изд. 2. СПб. 1868, 215—217; Е. Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. I. *Период первый, Киевский или домонгольский*. Первая половина тома. Изд. 2, М. 1901, 823; — М. С. Грушевский, 1) *Кілька заміток до «Чуда св. Климента, папи римського»*, ЗНТШ, т. 59, кн. V, Львів 1902, отд. 3, 1—4; — 2) *Ще до «Чуда св. Климента папи римського»*, ЗНТШ, т. 66, Львів 1905, 1—3; — 3) *Історія української літератури*, т. III, Київ—Львів 1923, 106—107; — И. Я. Франко, *Святыи Климент у Корсунї. Причинки до історії староруської легенди. XI: Культъ св. Климента в Моравї й на Руси*, ЗНТШ, т. 60, 1905, 257—281; — Н. К. Никольский, *Материалы для современного списка русских писателей и их сочинений (X—XV вв.)*, СПб. 1906, 435.

мнение Н. П. Попова, о том, что *Чудо* написано во второй половине XV в. в связи с противолатинской полемикой.³³⁾ Неосновательность мнения Попова показал Никольский.³⁴⁾ Он первый обратил внимание на связь текстов *Слова на обновление* и *Чуда* между собой, сопоставив тексты *Слова* и конца *Чуда*. «В *Чуде* (памятнике компилятивном) — писал Никольский, — уже утратились некоторые черты современности, сохранившиеся в *Слове*. *Чудо* сгладило их применительно к общецерковному своему назначению, подобно тому, как оказался к нему приспособленным в большинстве рукописей конец знаменитого *Слова о законе и благодати*, что однако ничуть не изъясло это Слово из ряда произведений Ярославова княжения».³⁵⁾ Приводим здесь оба интересующих нас текста:

(Текст Оболенского — Слово)

Тако и сего церковнаго солнца, своего угодника, нашего же заступника, святаго, реку достойно, священномученика Климента от Рима убо къ Херсонъ, отъ Херсона къ нашу Рускую страну створи прити Хъ Бгъ нашъ, призобилою милостию къ наше вѣрныхъ спасеніе. Олѣ челоуколюбіе, благости неисчетна пучина! Не къ несквеннымъ принымъ рабомъ створи своему угоднику прити, но къ врагомъ и уступникомъ, о нихъ же речено бысть: „Пожроша сыны и дщери своя вѣсомъ“. Но да свѣдетъ сіа реченное: „Благодатию есте спасени; идѣ умножатъ сіа грѣси, тѣ призобилова благодать“, идѣже во жертвци вѣсомъ вѣша, тѣ сватыа церкви славятъ Отца и Сына и святаго Духа, еже пришествіемъ святаго Климента створи сіа и утверди сіа.

Тѣмже и мы, убѣгающе некъ благодатна, славимъ и хвалимъ и кланяемъ сіа въ Тронцѣ поему Богу, благодарще того вѣрнаго рава, иже умножи своего господина талантъ, не токмо къ Римѣ, но къ Херсонѣ, иже

(Текст Соболевского — Чудо)

Тако и сего своего оудника, нашего же заступника, стго сцѣнномучѣка Климента, ѿ Рима в Херсонѣ. ѿ Херсона в нашу рѣскую страну створи прити Хъ Бгъ нашъ призобилою млстїю в наше вѣрныхъ спѣненіе. ѿлѣ челоуколюбїа и блгсти неизречѣныа. не бо къ своимъ рабамъ приныамъ створи прїати оудникъ своимъ. но ко врагомъ и ѿступникомъ, ѿ нихъ же речено быстѣ, пожроша сѣны и дщери вѣсомъ. но да звѣдетъ сѣа реченое, блгдтїю есте спѣени. идѣже оубо оумножитъ сѣа грѣхъ. тоу призобилоуа блгдтѣ. идѣже жерѣтвница вѣсомъ быша, тоу стѣна цркви славятъ ѿца и сѣна и стго дха. еже пришествїемъ стго Климента сотвори сѣа и оутверди сѣа.

Тѣмже и мы оубѣгающе невозблгодатна, славиамъ и хвалиамъ покланяемъ сѣа въ Трѣци поемомъ бжгтѣс, блгодарще и того вѣрнаго рава, иже оумножи гѣа своего талантъ. не токмо в Римѣ, но и в Херсонѣ

³³⁾ Н. П. Попов, *Несколько разъяснений к «Слову о чуде св. Климента над отроком»*, ИОРЯС 20 (Пгр. 1915) кн. 3, 22—31.

³⁴⁾ Н. К. Никольский, *К истории славянорусской письменности, Заметки и материалы, II: К вопросу о «Чуде св. Климента, папы Римского, о отроцати»*. (Несколько пояснений по поводу «Нескольких разъяснений» Н. П. Попова), БЛ ОЛДП, т. III (Пгр. 1917) 124—134.

³⁵⁾ Там же, 129.

благовѣрный праотець христолжбвиный сій, констинѣ же мучениколюбцаѣ, со многима потщанимаѣ, преволашею кѣкрою, оттуду ко дозвѣ любовно и

ѡца и сїа и стго дха. нїѣ и прено и вѣкки вѣком^м, ами^н.³⁶

мощи на освещеніе и спасеніе свѣѣ же и всему роду своему, рекъ же, и странѣ нашей, якожь и вѣруемъ. Тако и тыи и апостоласкій подобниче Клименте, тою изчадіе, гдѣ добро управилъ, отсюдуже вѣками на небесахъ обителница принеси, сїа убо, о преподобниче, молима твоимъ ученикомъ обрѣсти сїа. Нынѣ же убо да всеадует сїа, старѣйшинствѣуи въ книзѣхъ, яко блаженъ есть констинну обладаи скипетры твоими молбами, яко наѣки присно собою. Радует сїа старѣйшинствѣуи въ святителехъ, яко блаженъ есть прикасаи сїа твои скитости и люди верными освещаяи. И да ликостѣуютъ гражане старѣйшинствѣущаго къ градѣхъ града нашего, яко блажени сѣуть твоими заступленімаѣ, и яко суща конни с тобою. Да праздуетъ свѣтло блаженный твои каирскъ, яко старѣй всего каирска твоимъ ходатайствомъ, яко и свойственѣ тебѣ служба. Да торжестѣуютъ краснѣ чтѣщи твою память кѣкрою и любовію, яко вложени сѣуть милостыню нищимаѣ, яко ти помиловани бѣдѣуть. Треблаженъ констинѣ ты ивѣи сїа, Клименте, иже за Троицу пострада, и тако научи къ створити. Того ради Господомъ великъ наречет сїа намъ недостойнымъ, нѣже ко являемо любиии своего блаженства, богато дарѣи, отче честный, подоба своему владыцѣ Христѣу любовію прїемаи, яко убогїи вдовица съ похвалою дѣѣ мѣдницю, худоразумныи и грѣшныи дѣша кѣкрою принесеи, иже дѣтица соборадомъ, худѣѣ твою великую хвалю чтѣще. Ты же свѣше поскѣицїи насъ милостію, яко достигъ окѣщанныхъ благъ, иже уготовалаи есть Богъ любящимъ его. Констинѣ блаженъ еси! Того ради вси ны схранн тебе любяща, и отци ко сѣуть

чадолюби, не гнушают сїа младенѣствѣующихъ при разумѣ и гугнѣющн языкомъ, но паче любятъ и прискоають. Того ради непотрѣкныи языки врагъ нынѣ пенѣжанъ благороднымъ богочетцомъ отъ многа мало написавъ, аще

не по чинѣ, яко грубѣ сый, но надѣи сїа твоимъ честнымъ мольбамаѣ, архіерею честный Христовеѣ, и сподоби ны всегда съ вѣками блазѣугожшнми тамошннхъ добротѣ все сытости присно насыщати сїа. Мы же нынѣ единодушно, по твоего гласа ученіе, славу и благодареніе возсылаемъ даровакшнму тебѣ разумъ, богозваніе и вѣрѣу соблажести, и теченіе свершити, и отъ вѣдѣ избавляти, нынѣ има бѣди благословено самого владыки, единопреелагаго Бога нашего, къ Отцѣ и къ свѣтѣмъ Духѣ славилаго, нынѣ и присно во всеа безкончныи и непроходимыи вѣкки нескѣрнаго дни, въ вѣкки вѣкомъ. Яминъ.³⁷

Итак, какой же из этих текстов является первичным?

Франко первый обратил внимание на первичность *ТО* по отношению к *ТС*.³⁸) С ним не согласились Соболевский и Грушевский. Так последний высказал мнение, что какой-то клирик церкви св. Богородицы распространил заключительный текст *Чуда*, приспо-

³⁶) А. И. Соболевский, *Чудо св. Климента* . . . , 7—8.

³⁷) Испр., в изд. *губнующи*. б-в) Испр., в изд. *починувъ*.

³⁷) Оболенский, *О двух древнейших святыхъ Киева*, 144—147.

³⁸) Франко, *Святой Климент* . . . , 267—277.

сбив всё произведение для прославления князя Рюрика Ростиславича, обновителя храма, жившего в конце XII в.³⁹⁾

Аргументы Франко не показались Грушевскому убедительными, и он подчеркнул свое несогласие с Франко, оспорив категоричность утверждения последнего: «Що маємо пред собою не два окремі твори, навіть не дві відмінні редакції одного твору, а один і той сам твір, один основний текст у двох формах — одній розширеній і другій укороченій».⁴⁰⁾ В этот спор вмешался Н. К. Никольский. Он высказал соображение о том, что первоначально существовало только одно произведение: в нем вначале читался *ТС* в том самом объеме, в котором он сохранился в дошедших до наших дней рукописях XIV—XVIII в., но без концовки, а затем — следовало *Слово на обновление* в том виде, в каком оно читалось в единственном *ТО*.⁴¹⁾

Мнение Франко — Никольского представляется нам более обоснованным, чем мнение Соболевского — Грушевского.

Приёмы сокращения первоначального текста проступают весьма явственно. Приведем примеры: 1) В рассказе о киевлянах, почитателях мощей Климента, христоносные его кости метафорически уподобляются источнику; говорится, что христиане от них и мажюца са и пиюца, приймають здравіє душамъ ... При сокращении первоначальное къ твомъ христонсымъ костемъ заменено на къ твоимъ мощемъ, первоначальное пиюца превратилось в кънюца, и анонимный редактор, выбросив несколько строк, сказанных в похвалу граду и церкви, вдруг подхватил возглас *О апостоломъ сопрестольниче*, с которого проповедник начинал обращение к святому «от себя». 2) Переписав с пропусками и искажениями менее 1/2 заключительной части *Слова*, книжник неожиданно прекратил переписку текста после слов *Ѣ убо каніи жизни вѣчныа коуді же намъ кск^м оу аѣчити всю ѡложикше злобѣ, и деродѣтел'ми готоваще са*, выбросив конкретное изложение всего того, как именно новоявленный святой должен заступаться за князя нашего, за Киев, за клирос Десятинного храма, за всех людей, и заменив пространный текст несколькими общими фразами о даровании спасения *своимъ ракомъ*. 3) При сокращении оказалась исключенной и фраза, в которой автор пространного текста *Слова* говорит о себе и признается, что он был *понужикъ благороднымъ богочетомъ* и что он *отъ многа мало написакъ*. При этом, очевидно, имеются ввиду источники *Слова о чуде* — полный текст *Чуда* псевдо-Ефрема, *Мучение* и *Житие* Климента Римского. Признание киевского проповедника подтверждается и анализом источников *Слова*: оно вполне достоверное.

Совершенно иначе древнерусский книжник квалифицировал свой труд, если бы получил заказ распространить краткий текст: он непременно сослался бы на краткость, простоту и неукрашенность предыдущего повествования о святом. 4) Наконец, еще одним аргументом в пользу первичности *ТО* является его большая, чем у *ТС*, связь с текстом псевдо-Ефремова *Чуда*. Очевидна тесная связь первых строк *Слова* с предыдущей фразой *Чуда*, в которой рассказывается о том, что отец со спасенным отроком возвратились домой и всем рассказывали

³⁹⁾ Грушевський, *Історія української літератури*, т. III, 106—107.

⁴⁰⁾ Грушевський, *Ще до «Чуда св. Климента папи римського»*, ЗНТШ, т. 66, Львів 1905, стр. 1; — ср. Франко, *Свяятий Климент...*, 274.

⁴¹⁾ Н. К. Никольский, *К истории славянорусской письменности. Заметки и материалы. II. К вопросу о «Чуде св. Климента папы Римского»*.

величество пресълаваго чудеса, иже сътвори с нима премілоостивый господь и своего ради оугодника, иже премножествомъ благодсти, тако моудрый зижитель, неизреченнымъ промысломъ всю тварь чюкъственую же и разоумъноюю ѿ небытка в быткъ приведеъ, тако всесилень и богатъ дадець, не постави прѣкраснаго солнца на единомъ мѣстѣ, а ѿтоуду с высоты вселенуюю просѣщающе, но и въстокъ и полудень и до западъ преходити емоу славно дарова на похвалоу своему велелѣиному имени.⁴²⁾ Ср. первые строки *Слова*: Тако и сего церковнаго солнца, своего угодника, нашего же заступника, святаго, реку достойно, священномученика Климента отъ Рима убо въ Херсонъ, от Херсона къ нашу Рускую страну...⁴³⁾ Образ солнца, которое не стоит на одном месте, а движется по горизонту, используется в обеих фразах в качестве символической параллели жизни Климента.

В *ТС* этот образ отсутствует. В *ТО* идейная связь с *Чудом* сохраняется на всем протяжении текста, о чем свидетельствуют следующие три фразы, которых также нет в *ТС*: 1) Но ажже сохраниа еси отъ вѣсолнчныхъ зѣкрій нападеніа отроча въ мори, — говорится в *Слове* намекая на *Чудо*, — тако и любяща ти отъ невидимыхъ зѣкрій нападеніа въ мирѣ сохраниа; 2) Отче честный, подоба своему владыцѣ Христу любовью приемла, тако убога вдовица съ похвалоу девѣ мѣдницы, худоразумныи и грѣшныи душа вѣроу принесено, иже дѣтица собрахомъ; 3) Того ради вса ны схрани тебе любца, и отци во суть чадолюбн, не гнушаютъ сѣ младенъствующи съ при разумѣ и гүгнүющн языкомъ, но паче любятъ и прискоають.⁴⁴⁾ — Поскольку *Слово* о чуде явилось по сути дела продолжением *Чуда* псевдо-Ефрема, связь их текстов представляется нам изначальной. Менее вероятным выглядело бы другое предположение о том, что книжник XII в., распространяя краткий текст, снова обратился к тексту *Чуда* для того, чтобы придумать несколько фраз, глубже связавших бы контекст русского памятника с греческим.

Принимая во внимание все вышеизложенное следует полагать, что *ТО* был первичным по отношению к *ТС*. Недошедшее до нас в первоначальном виде произведение называлось, вероятно, *Слово о чуде св. Климента, папы Римского, о отрочати*,⁴⁵⁾ а его текст предположительно восстанавливается из *ТС* без концовки *ТО*. Если согласиться с этой реконструкцией текста, то перед нами предстанет цельное и любовытное произведение торжественного красноречия Киевской Руси. Мы принимаем догадку Грушевского, датировавшего памятник третьей четвертью XI в. и считавшего, что оно могло быть произнесено над мощами Климента при обновлении Десятинной церкви. Но обновление это не обязательно происходило после разорения храма в результате войн (1171, 1203, 1240 гг.): может быть, храм просто требовал ремонта, обновления внутреннего и внешнего убранства, дополнительного украшения и т. п., как это было, например в конце 30-х гг. XI в. Поскольку в *Слове*

42) Лавров, *Жития херсонских святых*... 44.

43) Оболенский, *О двух древнейших святыхъ Киева*, 144—145. В *ТС* эта фраза читается так: Тако и сего своего оугодника, нашего же заступника, сего сщїеннѣчника Климента ѿ Рима в Херсонъ, ѿ Херсона в нашу Рускую страну...

44) Оболенский, *О двух древнейших святыхъ Киева*, 148 сл.

о чуде князь Владимир назван христолюбцем и мучениколюбцем, благоверным праотцем нынешнего князя,⁴⁶⁾ чья деятельная забота о мощах Климента явилась на спасение *всему роду своему*, все произведение, очевидно, относится к эпохе его внуков, сыновей Ярослава Мудрого. Может быть, оно было написано при князе киевском Изяславе Ярославиче (1054—1073, 1077—1078 гг.) который, будучи правнуком Владимира, в это время был старшим в роде. Киевский митрополит также был старейшим в Русской земле, как сам Киев, мати градом, и клир Десятинного храма. Не вполне ясны слова памятника *еретницы проклинаются*; имеются ли здесь ввиду церковные осуждения волхвов-двоеверцев или таких-нибудь иных еретических воззрений. Возможно, в *Слове о чуде* проскальзывает скрытая полемика с богомилами. Последние, по словам пресвитера Козмы, *аще бо са имъ сачити видѣти дѣтницъ маад, то акы смрада зла гнѣшають са, ѡвраццюще са, паюють, замлююще са... мааденца недостонны творать къ себѣ приносити, иже господь чисты нарече, но, гнѣшающе са их, ѡвраццюють а...*⁴⁷⁾ Автор *Слова о чуде* подчеркивает благородство поступка Климента, спасшего ребенка, и говорит о русских отцах как чадолюбивых, не гнушающихся детей, хотя бы те и были несовершенно разумом и лепетали по-детски (*гугнующи изыкомъ*).⁴⁸⁾ — Напомним, что как раз в это время, в 60—70-ые годы XI в., митрополит Георгий Грек использует в своих *Заповедях* болгарский противобогомильский трактат.⁴⁹⁾

Автором *Чуда*, несомненно, был киевлянин (*ликоствующъ гражданъ старкѣшинствующаго въ градѣхъ града нашего*). Его целью было прославить вместе со св. Климентом и христолюбивого и верного князя нашего, называя его *прародителемъ добродѣтели овѣщникъ, церковь твою окончаша*⁵⁰⁾, для того, чтобы напомнить о старейшинстве Изяслава в княжеском роде. Проповедник называет себя *врагом негодныхъ изычниковъ (непотрѣбныхъ изыковъ врагъ)*, который теперь был *понуженъ* почитателем бога из благородных, т. е. князем, *отъ многа мало написакъ*, т. е. на основе многих источников о Клименте, составить краткое сочинение. Возможно, что оно было произнесено в Десятинном храме где-то между 1061 и 1068 г., когда *нынѣшнее добропрекывание* не омрачалось нашествием поганых, когда вражеские *рати безъ успѣха възвращают са* назад, не сумев одержать верх над русскими воинами: так было от времени появления

46) О слове «праотець» в значении «дед, отец отца или матери» см. И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. II, вып. 4, СПб. 1902, 1370.

47) М. Г. Попруженко, *Козма Пресвитер — болгарский писатель X века*, София 1936, текст 31.

48) В *Материалах* Срезневского к слову *гнѣшати* указаны значения 'шептать', 'роптать', *гнѣшникъ* — 'косноязычный' а в пражском академическом словаре стсл. яз. еще и 'немой' (*Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae*, v. v.). В нашем тексте речь, очевидно, идет не о детях, страдающих дефектом речи (косноязычием), а о детском лепете.

49) Ю. К. Бегунов, *З исторії літературних зв'язків Київської Русі з Болгарією (Козма Пресвітер і Георгій Грек)*, *Слов'янське літературознавство і фольклористика*, вип. 4 (Київ 1908) 47—57.

половцев на границах Русской земли (1061 г.) до поражения трех Ярославичей на Альте (1068 г.). Нашей датировке не противоречат, а подкрепляют её косвенные соображения об ущербном времени для культа патрона Русской земли папы Климента, начавшемся на Руси с начала 90-х годов XI в. К 1092 г. относится составление рассказа о *нѣккѡмѣ дѣтци*, в котором рассказывалось о том, что при возвращении из Вышгорода в Киев с празднования памяти Борису и Глебу на лодке по Днепру мать случайно уронила младенца в воду, но по молитве Николы Чудотворца он был обретен живым на полатах св. Софии, у образа Николая Мирликийского.⁵¹⁾ Культ Николы «Мокрого», очевидно, возник и поддерживался в среде причта Софийского собора и со временем вытеснил культ другого «водного» покровителя — Климента.⁵²⁾ Поддерживавшийся причтом Десятинного храма. Хотя в XII в. и в последующие века почитание Климента на Руси продолжалось, что нашло свое выражение в строительстве храмов в его честь в Пскове, Новгороде и позднее в Москве, в создании икон в его честь и т. д., в хиротонисании, наконец, в русские митрополиты Климента Смоленска головою св. Климент в 1147 г. и т. п., однако никогда уже более не говорилось, что христианство утвердилось на Руси благодаря святому Клименту и что Климент присный заступник странѣ Русстей, и вкнчѣ прекращенный славному и честному граду нашему и велицѣй митрополит же мати градомъ, т. е. Киеву. Если согласиться с тем, что *Слово о чуде* было все же написано в 60-ые гг. XI в., то этот факт можно было бы легко объяснить и с точки зрения церковно-политической позиции великого князя Изяслава Ярославича. Старший сын Ярослава не разделял взглядов Константинопольской церкви на необходимость разрыва с Римской церковью и в противовес Константинополю был не прочь подчеркнуть свое расположение к вселенскому культу св. Климента.

И *Мучение Климента Римского*, к которому было присоединено *Слово о чуде*, и краткое *Чудо о отрочати* одинаково читались в рукописях под 25 ноября, днем смерти херсонесского мученика. Обращение к этому дню празднования памяти Климента произошло как бы в противовес кирилло-мефодиевской традиции этого празднования, существовавшей на Руси еще в конце 50-х гг. XI в. В *Слове о чуде* Кирилл и Мефодий вообще не упоминались; подчеркивалось, что установление культа Климента на Руси произошло благодаря праотцу нынешнего князя равноапостольному Владимиру. Тем самым Русь, как в *Слове о законе и благодати* Илариона, ставилась на одну высоту и с Римом, и с Болгарией, и с Моравией, и с Византией.

В авторе *Слова о чуде* мы видим проповедника, который ставил перед собою задачу подобно знаменитому Илариону: прославить Русскую землю, вступившую в семью христианских народов и имеющую своих покровителей. Однако, в отличие от Илариона, он решал её на гораздо более ограниченном материале без широких экскурсов во всемирную

⁵¹⁾ *Житие Николая Чудотворца*, изд. ОЛДП, т. XL, СПб. 1882.

⁵²⁾ Поздние реминисценции этого культа сохранились в стихе *Голубиной книги* о подводной церкви Климента (П. Безсонов, *Калекы переходжие. Сборник стихов и исследование*, т. I, М. 1861, 299, 295, 304, 327; — Франко, *Святый Климент...*, 278).

историю и скромными средствами. К тому же, в первых двух третях своего произведения проповедник выглядит компилятором и лишь в последней трети проявляет самостоятельность. Впрочем, как мы уже выяснили, эта компилятивность у него нарочитая.

После того, как значение культа Климента Римского как патрона Русской земли стало спадать, может быть в XII в., *Слово о чуде* подверглось редактуре: из него были исключены все похвалы обновителю Десятиинной церкви и сам текст был сделан нейтральным, вневременным, пригодным для общецерковного прославления Климента как одного из рядовых в общем сонме святых. Так появился краткий вид произведения — *Чудо св. Климента, папы римского, о отрочати, ТС*.

В заглавии памятника Климент назван учеником апостола Павла, а не Петра, как это было на самом деле. Вероятно, здесь русский памятник следует какой-то другой традиции, идущей от Оригена: последний считал Климента Римского и Климента, ученика апостола Павла, упомянутого в *Послании к филиппийцам* (4,3), за одно лицо.

Прямыми источниками первой и второй частей *Слова о чуде* были *Мучение св. Климента* (отд. XXII—XXV), *Слово Псевдо-Ефрема* (отд. VII—XIII). Это превосходно было показано Н. П. Поповым: только для первых девяти строк произведения *Свѣтомъ Климентъ, ѿ Рима възмѣсткованъ в Херсонѣ Трантанымъ царемъ...* и т. д. не удалось найти греческий источник. Вероятно, они составлены самим проповедником на основе *Мучения* (отд. XIX, XX). Отношение к текстам своих источников у русского автора было весьма свободное. Весьма возможно, что он пользовался не греческими оригиналами непосредственно, а их славянскими переводами. Однако, это предположение нельзя ни отвергнуть, ни подкрепить: текст *Слова о чуде* не буквален в передаче своего источника, греческого или славянского. Использование известных источников прерывается как раз там, где находится переход от второй части произведения к третьей.

Слово Псевдо-Ефрема,
отд. XIII.

οὕτω τῶν τῶν τὸν ἄγιον μετὰ δακρύων ἔλευ-
φρηνίσαντες, τὸν παῖδα ἀρμενοῦ, οἵκαδε πα-
ρευέροντο, λαῶν τὸ θαῦμα ἐκδιηγούμενον.

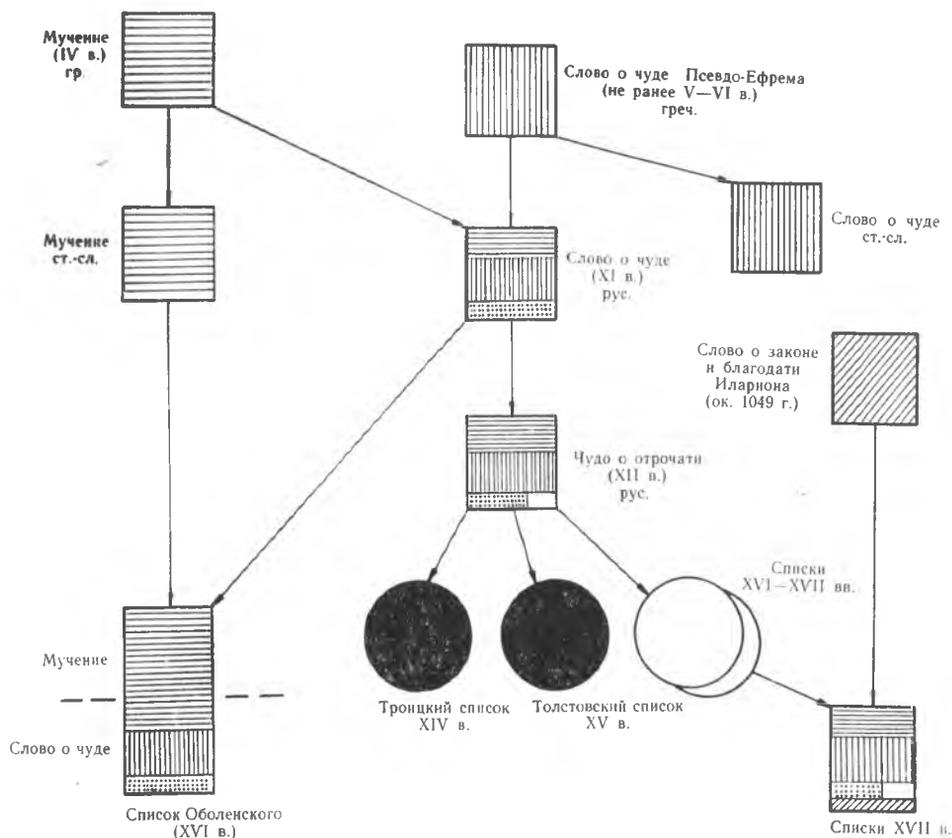
Слово о чуде

Тако оубо скатаго съ слезами похваляиши, и
отроча вземши, и ѿндоша с радостноу къскоужу,
і в домъ скон пришедша, и вѣкъмъ повѣдаста ве-
личество пресълавнаго чудеса.⁵³

Далее, между *Словом Псевдо-Ефрема* и *Словом о чуде* не наблюдается сходства: в греч. произведении спасение Климентом отрока сравнивается с воскрешением пророком Ильей сына вдовы сарептской и с чудотворениями пророка Елисея и апостола Петра, в русском — рассказывается о значении перенесения мощей Климента из Херсонеса в Русскую землю.

Рассмотренная здесь литературная история *Слова о чуде* может быть представлена в виде следующей схемы:

⁵³) Лавров, *Жития херсонских святых...*, 29, 44.

Композиционно *Слово о чуде* состоит из 4 частей: без введения (*Exordium ex abrupto*) следует [1] *Narratio I* — Историческое сказание, в котором сообщаются сведения о ссылке Климента из Рима в Херсонес, его мучении и обретении мощей, затем читается [2] *Narratio II* — Рассказ о чуде с отроком, и, наконец, [3] *Argumentatio* — собственно *Похвала* киевскому митрополиту, городу Киеву, Клименту, Десятинному храму и его причту, киевскому князю, и [4] *Peroratio* — *Заключительное обращение* к Клименту с просьбой о заступничестве.

Как видим, использованные источники повлияли и на жанрово-стилистическую структуру новосоставленного произведения. Так первая часть *Слова о чуде* напоминает агиографическое сочинение, вторая часть — ораторское *Слово о чудесах святых*, а третья и четвертая — энкомий. Вобщем, агиографический контекст занимает лишь $\frac{1}{6}$ часть *Слова*, а ораторский — $\frac{5}{6}$. Ведущую роль играет именно панегирическое начало: прославить, а не описывать.

В целом, *Слово о чуде* представляет собою ораторское по форме изложение события праздника (в данном случае двойного — памяти о Клименте Римском и обновления Десятинного храма), сопровождаемое изъяснением чувств, которые возбуждает в авторе та или иная подробность события.

ведения занимает заимствованный у Псевдо-Ефрема драматизированный рассказ о неожиданной пропаже ребенка у гробницы святого Климента, горе и отчаяние отца и матери, чудесном обретении отрока живым и здоровым через год на том же самом месте. Этот рассказ — *Narratio II* — является в *Слове* центральным, но не он несёт основную смысловую нагрузку, а третья оригинальная часть произведения. От *Narratio* проповедник переходит к *Argumentatio*, где раскрывается авторский замысел произведения: прославить херсонесского мученика как заступника Русской земли. — Вначале святой Климент метафорически уподобляется солнцу, которое не стоит на одном месте, а светит с высоты вселенной, перемещаясь и на восток, и на юг, и на запад:

Тако и сего церковнаго солнца,
своего угождника,
нашего же заступника,
святаго, реку достойно, священномученика Климента
от Рима уже въ Херсонь,
отъ Херсона въ нашу Рускую страну

створи прити Христось, богъ нашъ, превозвильною милостию въ наше вѣрнѣхъ спасеніи.⁵⁴

После короткого восклицания, в котором проповедник сравнивает Климента с благодати неисчетной пучиной моря, он удивляется тому, что Климент пришел не к своим приснымъ рабомъ грекам или римлянам, а к недавним язычникам, о которых говорится в Псалтыри: Пожреша сыны и дщери свои вѣсомъ. Как Иларион в *Слове о законе и благодати*, проповедник возвещает слушателям, что с приходом сего святого восторжествовала благодать в Русской земле:

Но да съудетъ съ реченное: Благодатию есте спасени;

идѣ умножатъ съ грѣхъ,
тѣ превзѣилова благодать,
идѣже во жертвенцы вѣсомъ вѣша,
тѣ сватыи церкви славатъ Отца и Сына и Святаго дѣха,
еже пришествіемъ святаго Климента створи съ
и утверди съ.⁵⁵

Далее следует от лица римлян, корсунян и русских пышная похвала Клименту, который уподоблен евангельскому слуге, умножившему богатство своего господина:

мученикомъ - похвала
святителемъ - удобреніе
и неподвижное осозаніе церкви Христовой,
ейже кратъ адова не удоволитъ,
и присный заступникъ странѣ Русстей,
и вѣнче преукрашенный
— славному и честному граду нашему
и велицѣи митрополи же мати градомъ,⁵⁶

Далее следует новая риторическая тирада, основанная на метафорическом уподоблении христовосных костей Климента источнику, из которого почерпают, пьют, кропят и мажут себя приходящие к нему люди:

Тобю

Рустин князи хвалат сѧ,
святители — ликують,
іерен — веселат сѧ,
мниси — раддуют сѧ,
людіе — доврэдущьствуютъ...⁵⁵

Десятинная церковь, в которой лежат мощи Климента, представляется проповеднику другим, истинным небом, слабым отражением которого является наше небо, а мощи Климента — солнцем, освещающим всю вселенную.

Похвала Клименту достигает апогея, когда проповедник обращается к нему, как Иларион к князю Владимиру:

О апостоломъ сопрестолине,
ангеломъ равночестье!
Бжеи прегонами бывають
и недужи отвѣгають,
рати безъ успѣха къзвращают сѧ,
иеретицы проклиняют сѧ...

Прославив Климента, проповедник славит своего христолюбивого и верного князя, правнука Владимира, который ревнуя прародителю, перенесшему мощи Климента и устроившего Десятинную церковь, обновил эту церковь и тем сподобился вечных благ.

Особую тираду приготовил проповедник для того, чтобы подчеркнуть старейшинство киевского князя в княжеском роде, митрополита — во святителях, града Киева — къ градѣхъ, клироса Десятинной церкви — къ клиросамъ. Воздав ещё дань своего восхищения Клименту, автор говорит немного о себе, о своей грубости, о том, что он надеется не погибнуть благодаря заступничеству Климента; добродетели Климента он уподобляет трапезе, от которой насыщаются приходящие к ней.

Хотя *Argumentatio* и *Peroratio* составляют $\frac{1}{3}$ Слова, однако они играют заметную роль в построении всего произведения: похвала Клименту постепенно расширяется концентрическими кругами, так вначале кратко прославляются земные деяния святого в Риме и в Херсоне, потом пространно — посмертные деяния в Херсонесе и, наконец, в Русской земле. Силою слова херсонесский святой вначале из Рима и с берегов Черного моря как бы переносится на берега Днепра, так как для проповедника и его слушателей он вечен, как вечны его деяния. Концовка еще более усиливает энкомическое звучание памятника, отчего Слово о чуде в целом производит впечатление торжественной монологической проповеди, сказанной по значительному поводу.

Отсутствие фактического соприкосновения текста русского Слова о чуде св. Климента Римского с текстом кирилловского Слова на принесеніе мощемъ и климентовской Похвалы заставляет казалось бы, отрицать наличие кирилло-мефодиевской традиции русских текстов о Клименте. Однако, возникшее независимо от этих произведений русское

Слово может быть сопоставлено с обеими названными памятниками типологически. Все три сочинения посвящены одной теме — прославлению Климента Римского и всех сопричастников этого события. Все они написаны на одном и том же литературном языке, с одних и тех же позиций. Все три *Слова* принадлежат к одному и тому же поджанру — торжественному красноречию, хотя они были предварительно написаны и лишь потом прочтены. Все три их автора пользуются риторическими приёмами, которые они восприняли отчасти из риторских руководств своего времени, отчасти из произведений своих предшественников — других христианских писателей. Если Кирилл обращается к херсонесцам, а Климент — к болгарам, то русский проповедник — к своему народу, а каждый из них к христианам вообще; потому у всех трех и звучит в заключении одна и та же тема: тема заступничества Климента.

Когда славянские народы делали первые шаги по пути христианизации, они и зависели от кирилло-мефодиевской традиции и, одновременно, не зависели, так как вносили каждый что-то свое. Потому то и различия, которые мы можем наблюдать в трёх произведениях о Клименте Римском, неизбежно связаны как с исторической обстановкой, их породившей, так и с особенностями развития формы литературных произведений в конкретных условиях. Каждый из них соотносится с разными типами торжественных «слов»: у Кирилла — с похвальными «словами» на обретение и перенесение мощей; у Климента — с похвальными «словами», читаемыми на дни празднования памяти святого и имеющими целью кратко похвалить некоторые из добродетелей святого и рассказать о его даре чудотворения; у русского проповедника — с похвальными «словами» на чудеса, освящение и обновление храмов. Разность типов ведет и к разности структур.

В *Слове на пренесение* большую часть (около 5/7) занимает рассказ об истории поисков и находке мощей святого и только в конце содержится небольшое ораторское прославление добродетелей Климента. В *Похвале*, выдержанной в одном ораторском ключе, не чувствуется особых переходов от нарративности к панегиризму, хотя известное внимание уделяется и биографии Климента, и его добродетелям, и дару чудотворения. В *Слове о чуде* основное внимание сосредоточено вокруг дара чудотворения Климента, который чудесно связывается с Русью, с Десятинным храмом и его покровителем князем Изяславом Ярославичем, отчего весь памятник приобретает гражданственное звучание. В *Слове на пренесение* и в *Похвале* внимание проповедников больше сконцентрировано вокруг вопросов конфессиональных, безотносительно к судьбам славянских народов.

Как же в таком случае, решается вопрос о кирилло-мефодиевской традиции в русских письменных памятниках, посвященных Клименту Римскому? Казалось бы ответ зависит от того, какое содержание мы вкладываем в понятие *кирилло-мефодиевская традиция*, в широком смысле или в узком? Если понимать эту традицию широко, т. е. как славянскую традицию, благодаря которой восточным и южным славянам стала доступной сокровищница греко-византийской культуры, то тогда безусловно можно говорить о наличии такой традиции на Руси, проявившейся в частности и в создании двух редакций похвального

«слова» в честь папы-мученика, а также в распространении в древнерусских списках старших Легенд о Клименте и сочинений Константина-Кирилла Философа и Климента Охридского о нём. Если же понимать эту традицию узко, т. е. как непосредственное участие славянских первоучителей и их учеников в создании и распространении культа Климента Римского, то и тогда следует признать наличие этой традиции на Руси. Правда, налицо самостоятельное развитие на Руси легенды о Клименте проявившееся не только в создании в XI—XII в. двух редакций одного памятника, но и в собрании воедино прежних греко-славянских сочинений о Клименте в таких обширных литературных сборниках как *Пролог* (XII в.), *Великие Минеи-Четьи* — митрополита Макария (XVI в.), *Миней-Четьи* Иоанна Милютина, Германа Тулупова и Димитрия Ростовского (все — XVII в.). Первый толчок этому развитию дали именно Константин-Кирилл и его сподвижники. Изучение кирилло-мефодиевской традиции в русских письменных памятниках, посвященных Клименту Римскому, еще не закончено и, разумеется, должно продолжаться в тесной связи с исследованием тысячелетних христианских легенд о папе Клименте, принадлежащих многим народам Европы.

Юрий Константинович Бегунов